

КНЯГИНЯ НАТАЛЬЯ ЯШВИЛЬ

Ирина Кызласова

*А в доме лишь мы да иконы
Да жуткая близость врага.*

И.А. Бунин

Н.Г. Яшвиль.
Автопортрет. 1916.
Бумага, гуашь.
63,5х48,5. Луганский
областной художественный музей

Наталья Григорьевна Яшвиль известна главным образом благодаря замечательному портрету, написанному ее другом М.В. Нестеровым. Мало кто знает, что она была заметным деятелем культуры и на родине, и в эмиграции в Чехословакии. До 1914 года княгиня участвовала в развитии кустарных промыслов в Киевской губернии, устраивала выставки, опекала художников, сама писала акварелью и маслом. Она внесла свою лепту в создание крупного музея в Киеве. Позднее Яшвиль стала подвижницей «духовного меценатства». Любимое ее детище в Праге — легендарный научный центр: семинарий имени Н.П. Кондакова, ставший Археологическим институтом и имевший свой музей. Творческая энергия, широта интересов, редкое благородство и мудрость составляли очарование личности княгини, разделившей судьбу многих людей трагической эпохи.

Княгиня Наталья Григорьевна Яшвиль (1862–1939) «была человеком исключительных дарований ума и сердца, была замечательной русской женщиной, глубокой патриоткой и настоящей — в глубочайшем смысле — христианкой» — так охарактеризована Яшвиль в некрологе¹. Стала она и ярким представителем «просвещенного меценатства». Принадлежит к аристократии, Н.Г. Яшвиль, как и княгиня М.К. Тенишева, замыкает ряд меценатов, среди которых выделим графиню П.С. Уварову и графа А.А. Бобринского. С последним Яшвиль часто общалась — их имения находились по соседству, недалеко от Киева. В своем имении граф, председатель Императорской археологической комиссии и вице-президент Академии художеств, создал музей. Старшая сестра княгини Надежда Григорьевна была замужем за племянником и наследником знаменитого на всю Россию К.Т. Солдатёноква, создавшего музей русского искусства в Москве. Таков контекст и семейная традиция, к которой была причастна Наталья Григорьевна.

Н.Г. Яшвиль родилась в семье, заметной в русской истории. Ее отец Григорий Иванович Филипсон² участвовал в завоевании Кавказа, стал полным генералом, сенатором. В ранние годы, живя в Петербурге, Наталья Григорьевна обучалась дома и в пансионе, прекрасно вышивала, занималась в консерватории по классу пения, много путешествовала и хорошо знала Россию и за границу, особенно Италию. В 1891 году Наталья Григорьевна вышла замуж за князя Николая Владимировича Яшвиля³, полковника лейб-гвардии Царскосельского гусарского полка, участника войны 1877–1878 годов за освобождение Болгарии. Муж умер совсем молодым, оставив жену с двумя крохотными детьми: Татьяной, родившейся в 1892 году, и Володей, появившимся на свет через год.

Одаренная большим умом и волей, Яшвиль воспитала детей, «для которых она исключительно жила»⁴. Отца никто не мог заменить, но все же их детство было светлым. К этому миру, овеянному поэзией жизни в имении и Киеве, можно прикоснуться, вглядываясь в портреты сына, который княгиня написала на пороге нового века, и дочери — к ее десятилетию. Небольшие записки о той поре сохранились в письмах. В 1899 году один из друзей отметил: «Там при удивительно мирной обстановке, слушая редкое пение княгини, провел два дня»⁵. Усилиями многих лет Яшвиль удалось превратить Сунки в процветающее имение. «Она энергично поощряла частную инициативу крестьян, заботилась о развитии в деревне кустарных промыслов, способствовала расширению школьной сети, построила и оборудовала на свои средства не-

скольких начальных и специальных школ. Княгиня оказалась одним из первых помещиков на юге России, полностью откликнувшихся на столыпинские реформы»⁶.

М.В. Нестеров, который жил в Киеве по соседству с небольшим особняком княгини, вспоминал: «Она хорошо, строго, почистяковски рисовала акварелью портреты, цветы»⁷. Художник (иногда с семьей) девять летних сезонов гостил в Сунках на хуторе, утопавшем в садах. Среди созданных там работ – этюды к росписям в Марфо-Мариинской обители в Москве, картине «Святая Русь» и другие. Нестеров тепло писал о Яшвиле: «Ее богатая натура была щедрой в своей дружбе, никогда, ни на один час не покидала в трудные минуты. <...> Наталья Григорьевна в моей жизни заняла большое место. Она сердечно, умно поддерживала все то, что могло меня интересовать и духовно питать»⁸. О ее живописи читаем, что она «была и тут даровита, как всюду, к чему ни прикасались ее ум и золотые руки»⁹. Нестеров, как известно, обладавший твердостью характера и непреклонностью мнения, следовал иногда советам Натальи Григорьевны¹⁰. В 1923 году он вспоминал о ней так: «Это замечательный человек! Человек большой, высокой души и крепкого, независимого, как алмаз, нравственного характера»¹¹. И позднее Нестеров писал о княгине как об одной из умнейших женщин, которую ему когда-либо приходилось знать¹².

Н.Г. Яшвиле. Портрет сына. 1900. Бумага, акварель. 52,5х34,8. Луганский областной художественный музей

Н.Г. Яшвиле. Портрет дочери. 1902. Холст, масло. 134х79,5. Луганский областной художественный музей

Число ранних портретов кисти Нестерова невелико. Большинство моделей художника – очень близкие ему люди. В их числе Наталья Григорьевна. Ее портрет, написанный в 1905 году, – дар мастера¹³. Художник создал образ сильного, наделенного незаурядной духовной энергией человека, предстоящего перед миром природы и Богом (полагаем, что он во многом предшествует сложению концепции образа философа И.А. Ильина в портрете 1921–1922 годов). Торжественность и нежность таинственно сопрягаются на полотне, облаченные в изысканное цветовое решение. «Нестеров любовался характером Яшвиле, всем складом ее личности, – и это любованье запечатлено в портрете»¹⁴. Вероятно, в том же 1905 году написал мастер и портрет княжны Татьяны: русая головка, синие глаза, весь холст пронизан светом¹⁵. Княжна еще в пору отрочества привлекла внимание Нестерова – он увидел в ней черты, необходимые ему для образа девочки-поводыря в картине «Святая Русь» (1901–1905)¹⁶.

Яшвиле общалась и с другими художниками, например, с Александром Мурашко и Яном Станиславским. Из числа киевских знакомых княгини назовем известного своей разносторонностью А.В. Прахова, который немало сделал, занимаясь искусством различных эпох (преподавание истории искусств, рестав-

рация памятников), поддерживал он и народные промыслы. Его дочь Елена была прекрасной вышивальщицей, а сын Николай работал в мастерских в Сунках художником-консультантом, и иногда Наталья Григорьевна и он мило музицировали. Н.Г. Яшвиле была дружна с семьей Евгения Николаевича Трубецкого – знаменитого философа, человека высокой художественной образованности и культуры. Его сын отмечал: «...кн. Н.Г. Яшвиле, наиболее богато и разнообразно одаренная женщина, какую мне пришлось знать»¹⁷.

Благодаря значительным средствам и обширным знакомствам (включая окружение царской семьи), Н.Г. Яшвиле занималась благотворительностью, дружила с выдающейся деятельницей на этом поприще Н.И. Оржевской, сестрой Д.И. Шаховского, ближайшего друга В.И. Вернадского. Наряду с супругами Б.И. и В.Н. Ханенко княгиня являлась опекуном Киевского художественного училища. Но главные ее усилия были направлены на развитие ремесел, которые давали достаток крестьянам. Тогда зарождалось отношение к народному творчеству как к самобытному явлению культуры. Весной 1906 года Н.Г. Яшвиле помогла историку Н.Ф. Беляшевскому устроить первую украинскую этнографическую выставку. Экспозиция занимала целых два этажа Киевского художественно-промышленного музея. Успех был таков, что вскоре было создано Киевское кустарное общество, в котором княгиня заняла пост вице-председателя. Общество организовывало артели; открыв в Киеве склад-выставку, оно продавало изделия там, в Петербурге и Москве, и даже в Европе. Весной 1909 года, на второй выставке в том же музее было присуждено три серебряных медали за развитие вышивальных промыслов. Две из них получили Н.Г. Яшвиле и ее сестра С.Г. Филипсон¹⁸. Большой успех работам, созданным в Сунках, выпал в 1913 году на Второй всероссийской выставке – это резная мебель, чеканка и великолепный ковер «Рай», вышитый шелками и серебром крестьянкой по рисунку княгини¹⁹. Композиция эффектна и сложна, есть в ней и изображение древа познания со змием, но нет человека. Не было ли это предчувствием грядущей катастрофы?

Мировая война резко изменила жизнь страны. Семья Яшвиле устроила в своем особняке лазарет. Наталья Григорьевна с утра до ночи работала в госпитале. Кроме того, она была командирована государем или, по другим данным, императрицей Марией Фёдоровной в Австрию для осмотра лагерей русских военнопленных²⁰. Сын Владимир, в 1914 году бывший студентом, в начале войны ушел добровольцем на фронт и вскоре попал в плен, содержался в

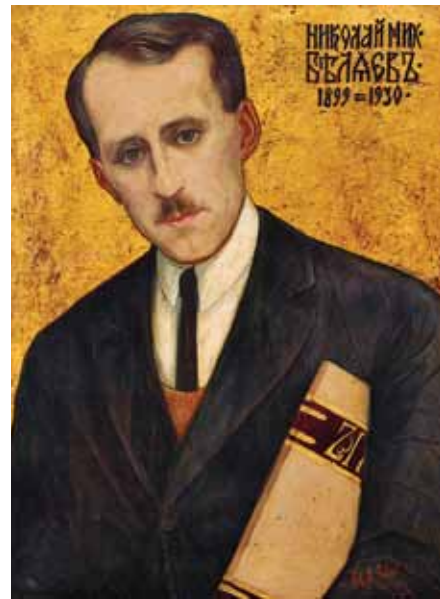

М.В. Нестеров. Княгиня Н.Г. Яшвиле. 1905. Холст, масло. 140х87. Киевский национальный музей русского искусства

лагере в Будапеште. Ему удалось вернуться в Киев, видимо, в 1917 году. В тот год его сестра Татьяна вышла замуж за блестяще образованного юношу Георгия Родзянко²¹. В конце 1917 года он с молодой женой проводил отпуск в Киеве. В январе город был захвачен красными. 26 января офицеры Яшвиле и Родзянко в числе многих были расстреляны. За одну ночь княгиня поседела и до конца своих дней носила траур, а ее дочь с тех пор жила монахиней в миру. Они посвятили себя Белому движению, главным образом продолжая труд сестер милосердия. Е.Н. Трубецкой, сострадавшая, писал им: «Недаром льется теперь кровь мучеников, недаром мы теперь пьем чашу до дна. Верьте, великое теперь совершается над нами». Философ чаял воскресения России, «а воскресение не бывает без смерти...»²².

Мать и дочь стали личными друзьями генерала П.Н. Врангеля. В ноябре 1920 года они эмигрировали с войсками в Грецию. Т. Масарик, первый президент Чехословацкой республики, узнав о бедственном положении

Слева: Н.Г. Яшвилль. Портрет Н.П. Кондакова. 1925–1926. Доска, грунт, смешанная техника (?). 77x66. Справа: Н.Г. Яшвилль. Портрет Н.М. Беляева. 1930–1932. Картон (?), темпера (?). 39,5x29,5 (в свету). Архив Института истории искусства Академии наук Чешской Республики. Kondakov Institut. Прага. В цвете публикуется впервые

знакомой ему Яшвилль, пригласил ее в качестве гостя страны, выделив ей небольшое пособие. А. Масарикова, дочь президента, возглавлявшая Красный Крест и принимавшая близко к сердцу «русские дела», а также глубоко знавшая искусство, поддерживала княгиню, что выражалось, в частности, в покупке ее произведений²³.

Оказавшись в Праге в марте 1922 года, Н.Г. Яшвилль и Т.Н. Родзянко жили в подвале, в самой аскетической обстановке. Княгиня энергично работала в нескольких благотворительных объединениях. Источниками заработка стала продажа сделанных своими руками открыток, икон, работ по фарфору, дереву и полотну, а также преподавание редкого и потому востребованного английского языка (даже незадолго до смерти старушка княгиня целыми днями ходила по урокам)²⁴. Знакомый иконописец писал ей: «...ведь Вы своей личной жизнью не живете»²⁵. Это была правда – много времени, забот и заработка семья отдавала нуждавшимся: возили подарки одинокам и престарелым, русским преступникам в тюрьмы, даже на родину посылали помощь²⁶.

В Праге Наталья Григорьевна быстро подружилась с академиком Никодимом Павловичем Кондаковым (1844–1925). Великий ученый, создавший новую дисциплину – историю византийского и древнерусского искусства, покинул родину в 1920 году, разделив ужас бегства со своим другом И.А. Буниным. Став профессором университетов в Софии и Пра-

ге (с мая 1922 года), Кондаков успел сплотить группу ученых и определить некоторые пути их работ. Дом эрудита академика притягивал многих. Н.Г. Яшвилль получала здесь консультации по иконописи, которую осваивала. Княгиня и ее дочь посещали лекции Кондакова, помогали ему чем могли²⁷. Наталье Григорьевне довелось написать посмертные портреты академика и его ученика Н.М. Беляева.

В основу портрета Н.П. Кондакова положена фотография. Традиции модерна соединились здесь с чертами, восходящими к языку иконы: сугубо графически решенное «доличное» и объемно разработанное «личное»; поля, покрытые твореным золотом с описью; «киноварная» надпись, плоский фон, основа – доска. Облик ученого полон отрешенности, благородного величия. Есть только две реалии: очки и сочинение императора Константина Багрянородного X века как символ византийских древностей. В портрете Беляева видим сходные приемы; среди них графья и твореное золото на фоне и полосы «византийского» пурпура на обложке книги.

В апреле 1925 года, сразу после ухода Н.П. Кондакова из жизни, именно Н.Г. Яшвилль стала инициатором создания семинария его имени. Первый руководитель объединения А.П. Калитинский уточнял, что только княгиня ясно выразила тогда «большую идею», осмыслив побуждения ученых²⁸. Их группа была уникальной. В условиях удущения в СССР гуманитарных наук, особенно связанных с ре-

лигиозным сознанием, «кондаковцы» создали центр, публиковавший не только свои работы и западных коллег, но и труды оставшихся в России. Таким образом, с самого начала издававшимся трудам был придан международный характер. До войны вышло одиннадцать солидных томов и ряд отдельных книг. Наконец увидели свет труды Кондакова, которые во многом подвели итог изучения огромного пласта художественного наследия.

Существование семинария-института было невозможно без предприимчивости и бескорыстного труда Натальи Григорьевны и Татьяны Николаевны. Княгиня поддерживала внешние контакты: ее доброе имя и высокий статус помогали решать важнейшие проблемы. Недаром Яшвилль стала почетным председателем объединения. Мать и дочь занимались организационными, финансовыми, издательскими и художественными делами, выполняли переводы. Так, именно они перевели выдающуюся монографию А.И. Анисимова (жившего в Москве) о великой чудотворной иконе Богоматери Владимирской XII века, раскрытой от записей в 1918 году²⁹. Трудно переоценить значение этого труда для православных людей, где бы они ни жили, а английская версия сделала книгу известной за пределами «русского мира».

«Поистине, жизнь Института была и жизнью Натальи Григорьевны, сердцевиной ее интересов», – отмечал Н.Е. Андреев³⁰. Княгиня стала ангелом-хранителем для «кондаковцев» – она снимала конфликтные ситуации, помогала каждому, создавала в коллективе поистине семейные отношения. Ее дружба с такими лидерами объединения, как Г.В. Вернадский и Н.П. Толль³¹, восходила к давним временам. В 1926 году В.И. Вернадский писал о Н.Г. Яшвилль как об «очень умной и интересной женщине»³², а В.Ф. Булгаков, бывший секретарь Л.Н. Толстого, констатировал, что в Праге она «заметно выделялась среди русских женщин»³³. Стоит ли удивляться, что Наталья Григорьевна, ее дочь Татьяна и сестра Софья (в монашестве Вероника) привлекли внимание одного из самых блестящих художников эмиграции Ф.А. Малявина.

Н.Г. Яшвилль писала и реставрировала иконы, иллюстрировала жития святых и сказки, рисовала открытки и пр. Целый ряд икон работы княгини и ее дочери был показан на пражской выставке «Русский кустарь» в 1927 году. Увы, удалось разыскать лишь немногие следы их неустанных трудов. В первую очередь это иконы и лицевое шитье. Сохранились только «Богоматерь Казанская» и «Вседержитель» кисти Яшвилль, стиль которых восходит к XVII веку³⁴. О нескольких написанных ею иконах можно судить лишь по фотографиям³⁵. Авторство двух вышитых хоругвей, находящихся в Праге, приписывается матери и дочери³⁶. В апреле – мае 1932 года в Праге обе художницы вместе с Н.П. Толлем создали выставку русских икон XV–XIX веков. Имя Н.Г. Яшвилль значится и среди членов парижского общества «Икона». Княгиня до конца дней горела творчеством – в 1932, 1935 и 1936 годах по ее инициативе институт устраи-

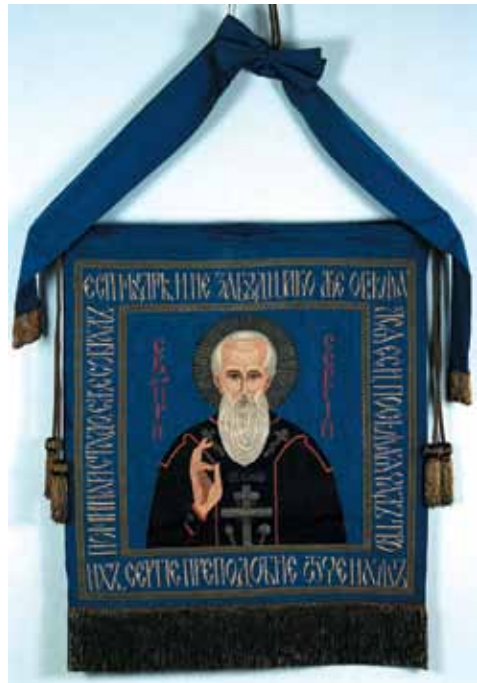

Ф.А. Малявин. Портрет Н.Г. Яшвилль и Т.Н. Родзянко. Прага, 1933. Бумага, карандаш. 29,3x21,1. Архив Института истории искусства Академии наук Чешской Республики. Kondakov Institut. Прага. В цвете публикуется впервые

Ф.А. Малявин. Портрет сестры Вероники (в миру С.Г. Филиппсон). Прага, 1933. Бумага, карандаш. 31x22,4. Архив Института истории искусства Академии наук Чешской Республики. Kondakov Institut. Прага. Публикуется впервые

Т.Н. Родзянко. Хоругвь «Св. Сергий Радонежский». 1932. Шелк, серебряная нить. Мемориальная квартира Ю.Н. Рериха. Москва (до 2012). В цвете публикуется впервые

вал курсы, на которых преподавал иконописец П.М. Софронов. Безусловно, важным было для Натальи Григорьевны общение с И.Я. Библиным, трижды приезжавшим в Чехию.

Татьяна Николаевна Родзянко тоже чрезвычайно много работала: графика, иконопись. Но главное дело – возрождение традиций вышивания. На создание каждой хоругви – это «Архангел Михаил», «Богоматерь Знамение» и другие – требовалось около двух лет. Сегодня только по фотографии можно судить о двусторонней хоругви «Св. Сергий Радонежский – Явление Богоматери преподобному Сергию». В 1932 году ее привез в Нью-Йорк Н.К. Рерих, позднее она оказалась в Москве. Шитье, выполненное сложной и совершенной техникой, выдержано в очень высоком стиле: тонкая стилизация средневекового художественного языка наделена и глубиной и благородством. Это шедевр, одна из вершин в «церковном искусстве», созданном в среде русской эмиграции.

Мать и дочь вместе руководили эмальерной мастерской, которую по завещанию М.К. Тенишевой перевезли в семинарий. Родзянко освоила и эту изощренную технику и делала иконки, а в конце жизни – крупный крест для капеллы Шварценбергов пражского собора Святого Вита. Татьяна Николаевна была больна; она скончалась в 1933 году. Княгиня прожила еще шесть лет. За три месяца до ее кончины Чехо-

ловакию оккупировали фашисты. «Было лучше, что она умерла», – написал Н.Е. Андреев³⁷.

Наталья Григорьевна Яшвил и Татьяна Николаевна Родзянко были праведницами, жившими в миру. «Нельзя даже представить себе, сколько сотен людей было часто буквально спасено и поддержано княгиней в течение ее жизни и особенно в годы революции и эмиграции»³⁸. Княгиня входила в близкий круг епископа Пражского Сергия, была членом Успенского братства, возведшего в 1924–1925 годах прекрасный Успенский храм на Ольшанском кладбище. В середине июня 1939 года ни владыка Сергий, ни сотни участников панихиды и торжественного погребения княгини Яшвил³⁹ не могли представить, что в 2011 году ее могила у стены храма будет уничтожена⁴⁰. Такова история – ее надо знать. Для тех, кто может по достоинству оценить личность княгини Яшвил, она никогда не покидала родину, навсегда оставшись в произведении Михаила Нестерова, которое воспринимается как часть картины «Святая Русь». А в ее дочери Татьяне художник еще в давние годы увидел «преображенную душу» поводыря слепых. Мать и дочь навсегда с нами – «уже никтоже возьмет от нас».

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Андреев Н. Княгиня Н.Г. Яшвил [некролог] // *Анналы института имени Н.П. Кондакова*. Белград, 1940. Т. XI. С. 236.
- 2 Г.И. Филиппон (1809–1883) происходил из семьи, имевшей шотландские корни.
- 3 Князь Николай Яшвил (1857–1893) был правнуком М.В. Ломоносова, состоял в родстве с генералами А.С. Ермоловым, Н.Н. Раевским и другими известными родами. Его дед – грузинский князь Владимир Михайлович Яшвил (Яшвили) вырос в России, дослужился до генерал-майора. Однажды он был оскорблен Павлом I, и, не исключено, что именно это стало одной из причин его личного участия в убийстве императора 11 марта 1801 года. За письмо Александру I, проникнутое идеями французской революции, князь Владимир был сослан в калужское имение. Наталья Григорьевна и ее близкие до конца своих дней каждый год 11/24 марта тайно служили панихиду. См.: Андреев Н. То, что вспоминается. Таллинн, 1996. Т. I. С. 330–331.
- 4 Трубецкой С.Е., князь. *Минувшее*. М., 1991. С. 23.
- 5 Нестеров М.В. *Письма: Избранное*. Л., 1988. С. 177.
- 6 Андреев Н. Княгиня Н.Г. Яшвил. С. 237.
- 7 Нестеров М.В. *Воспоминания*. М., 1985. С. 233.
- 8 Там же. С. 232–233.
- 9 Там же.
- 10 См.: Дурылин С.Н. *Нестеров-портретист*. М.; Л., 1949. С. 44.
- 11 Цит. по: Булгаков В.Ф. Михаил Васильевич Нестеров // Булгаков В.Ф. *Встречи с художниками*. Л., 1969. С. 83.
- 12 Нестеров М.В. *Письма: Избранное*. С. 319.
- 13 См.: Михаил Нестеров. В поисках своей России. К 150-летию со дня рождения / Авторы-сост. О.Д. Атрощенко, Л.Н. Бобровская, Г.С. Чурак. М., 2013. С. 30, 137.
- 14 Дурылин С.Н. *Нестеров-портретист*. С. 44.
- 15 См.: Михайлов А.И. *Михаил Васильевич Нестеров: Жизнь и творчество*. М., 1958. С. 206, табл. на с. [204].
- 16 Андреев Н. Княгиня Н.Г. Яшвил. С. 237.
- 17 Трубецкой С.Е., князь. *Указ. соч.* С. 23.
- 18 Теліженко О. *Майстерні народної вишивки* // *Родовід*. 1991. № 2. С. 22. См. также: Коваленко А.П. *Земли родной минувшая судьба, или Сказанье о Сmealянине*. М., 2009. С. 624.

М.В. Нестеров. Святая Русь. 1901–1905. Холст, масло. 233x375. Государственный Русский музей. Санкт-Петербург

- 19 Русское народное искусство на Второй всероссийской выставке в Петрограде в 1913 г. Пг., 1914. Табл. XLI, XLII, с. 54, 67, а также с. 49.
- 20 Андреев Н. Княгиня Н.Г. Яшвил. С. 237; Он же. *Пражские годы* // *Новый мир*. 1994. № 11. С. 165; Он же. То, что вспоминается. Т. I. С. 301; Нестеров М.В. *Воспоминания*. С. 329, 331.
- 21 Г.М. Родзянко – младший сын М.В. Родзянко, последнего председателя Государственной Думы. Георгий окончил Александровский лицей (в котором некогда учился Пушкин), но в 1914 году вступил в Преображенский полк.
- 22 Трубецкой С.Е., князь. *Указ. соч.* С. 183.
- 23 См.: Кондаков Н.П. *Дневник* (16 декабря 1924 г.). – *Литературный архив Музея национальной письменности в Праге*.
- 24 Андреев Н.Е. *Пражские годы*. С. 165–166; Его же. То, что вспоминается. Т. I. С. 300–302; Письмо Д.А. Расовского от 16 ноября 1938 г. – *Архив Института истории искусства Академии наук Чешской Республики*. Kondakov Institut. Короб 16.
- 25 Цит. по: Ржоутил М. «...Желание мое и попечение в том, чтобы не погубило и не ушло в историю правильное иконописание». – *Письма иконописца П.М. Софронова княгине Н.Г. Яшвил 1930-х гг.* // *Старообрядчество в России (XVII – XX века)*. М., 2013. Вып. 5. С. 577. См. также: Андреев Н.Е. То, что вспоминается. Т. I. С. 287.
- 26 Андреев Н.Е. То, что вспоминается. Т. I. С. 301, 302.
- 27 См.: Кызласова И.Л. *История отечественной науки об искусстве Византии и Древней Руси. 1920–1930 годы: По материалам архивов*. М., 2000. (Указ. имен).
- 28 Цит. по: Басаргина Е.Ю. *Археологический институт им. Н.П. Кондакова (Seminarium Kondakovianum): По материалам архивов Праги* // *Мир русской византистики*. СПб., 2004. С. 770.
- 29 Анисимов А.И. *Владимирская икона Божией Матери*. Прага, 1928; Anisimov A.I. *Our Lady of Vladimir*. Praga, 1928.
- 30 Андреев Н. Княгиня Н.Г. Яшвил. С. 239.
- 31 Георгий Владимирович Вернадский (1887–1973) – сын В.И. Вернадского, Николай Петрович Толль (1894–1985) – зять В.И. Вернадского.

- 32 Вернадский В.И. *Дневники*. Март 1921 – август 1925. М., 1998. С. 74.
- 33 Булгаков В.Ф. *Указ. соч.* С. 84.
- 34 См.: Kotkavaara K. *Progeny of the Icon. Émigré Russian Revivalism and the Vicissitudes of the Eastern Orthodox Sacred Image*. Åbo, 1999. P. I–II. Tabl. V, VI. Иконы находятся в собрании автора.
- 35 Три иконы изданы. См.: *Мир Кондакова*. Публикации. Статьи. Каталог выставки. М., 2004. Ил. 32. Там же фотографии Н.Г. Яшвил и Т.Н. Родзянко.
- 36 Kotkavaara K. *Op. cit.* P. 216. К сожалению, автор не привел иных данных.
- 37 Андреев Н.Е. То, что вспоминается. Т. II. С. 100.
- 38 Андреев Н. Княгиня Н.Г. Яшвил. С. 239.
- 39 Там же. С. 236.
- 40 Адагамов Р. *Кладбище в Ольшанах: о княгине Яшвил*. См.: URL: <http://www.echo.msk.ru/blog/adagamov/1037566-echo/> (23 марта 2013 года).

Ключевые слова: княгиня Н.Г. Яшвил, Т.Н. Родзянко, М.В. Нестеров, Ф.А. Малявин, Н.П. Кондаков, семинарий имени Н.П. Кондакова, Археологический институт имени Н.П. Кондакова, княгиня М.К. Тенишева, Е.Н. Трубецкой, Н.Е. Андреев, Сунки, Киев, Прага, Ольшанское кладбище, икона, хоругвь.

Уточнения по атрибуции работ Н.Г. Яшвил на с. 138, 140 даны мною. Сердечно благодарю за ряд уточнений Е.С. Шудрю, П.П. Мерзлякова, а также все хранилища, предоставившие иллюстрации.